

18+

Артуро Сорокин

2XҮЗ:
Формула Веры

Артуро Сорокин

2XYZ: Формула Веры

«Издательские решения»

Сорокин А.

2XYZ: Формула Веры / А. Сорокин — «Издательские решения»,

В мире, где материя ничего не стоит, а вечная жизнь продаётся по подписке, молодой священник Андрей сталкивается с крушением всей своей картины мира. Привыкший доказывать бытие Бога с помощью научного метода, он оказывается абсолютно беззащитен перед лицом трагедии, которую невозможно просчитать логикой. Книга для тех, кто пытается рационализировать свою веру, и для всех, кто ищет ответы там, где логика бессильна.

© Сорокин А.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Пролог. Формула веры	6
Глава 2: Диагностика и первое потрясение	8
Глава 3: Первые сомнения	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

2XYZ: Формула Веры

Артуго Сорокин

© Артуго Сорокин, 2026

ISBN 978-5-0070-4327-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Пролог. Формула веры

Над городом висел мягкий неоновый свет, окрашивая бетонные джунгли в призрачные оттенки. Внизу, на широких проспектах, беспилотные автомобили скользили по дорогам, словно серебристые рыбы в реке. Высоко в небе парили аэротакси, оставляя за собой тонкие полосы конденсата.

Это был мир, где материя стала бесплатной. Синтезаторы материи, установленные в каждом доме, могли создать любой предмет по желанию владельца — от чашки утреннего кофе до сложного электронного устройства. Экономика изменилась навсегда: деньги потеряли своё значение, уступив место социальному рейтингу и доступу к технологиям.

Год назад, в эпической битве, описанной в предыдущей книге, Россия и её союзники под руководством Верховного Координатора Владимира Зелиновского, заручившегося помощью бывшего президента Виктора Козлова, отразили нападение инопланетной цивилизации. Теперь, когда внешние опасности отступили, новый конфликт только зарождался.

Не внутри страны, и даже не внутри общества. Он зарождался в душе каждого человека — конфликт между свободой и контролем, между верой и рационализмом, между естественным и искусственным.

Синтезатор на кухне издал тихий, обиженный писк и выплюнул в лоток стаканчик с кофе. Андрей поморщился, делая глоток. Опять этот химический привкус жжёной резины. В мире, где материя ничего не стоила, вкус оставался самой капризной и дорогой настройкой.

— Дай сюда, горе-философ, — Елена, уже одетая на учёбу, ловко выхватила у него стакан. Её пальцы были прохладными. — Ты его как программу запускаешь, а не как напиток делаешь.

Она подошла к старенькому «СинтезТеку» и, не глядя, пробежалась пальцами по голографической панели, меняя параметры.

— Вот. Теперь нормально. Держи. И не опоздай на службу, проповедник.

Андрей сделал новый глоток. Кофе был идеальным. Терпким, горьким, настоящим. Он смотрел, как она поправляет волосы — простой, будничным жест, от которого у него до сих пор замирало сердце. Растрёпанная, быстрая, настоящая.

— Я сегодня буду говорить о свободе воли, — сказал он, отставляя стакан. — Как о последнем бастионе. О том, что в мире гарантированных подписок только наш выбор верить без доказательств и делает нас людьми.

Елена закатила глаза, но в её улыбке не было насмешки, только тёплая ирония. — Ты им это как теорему докажи. А то они не поймут. Им нужен йогурт со вкусом «вечное блаженство» и гарантия возврата средств, если рай не понравится.

Она подошла ближе, обвила его шею руками и легонько притянула к себе. Их лица оказались совсем близко, и он почувствовал её тёплое дыхание.

— Знаешь, — прошептала она, — иногда мне кажется, что ты слишком много думаешь. Может, стоит просто наслаждаться моментом? Мы с тобой, малыш внутри... Это уже маленькое чудо, правда?

Андрей провел пальцем по её щеке, чувствуя, как его сердце наполняется нежностью: — Ты права, как всегда. Наверное, я слишком часто забываю просто радоваться тому, что у нас есть. Ты и я... и этот маленький человечек, который скоро появится.

Он прижал её к себе крепче, вдыхая знакомый аромат её волос — смесь ванили и свежести. В этот момент, окруженный теплом её тела, он почувствовал, как мир вокруг становится ярче и теплее.

— Я люблю тебя, — прошептал он, и в его голосе звучала такая искренность, что Елена улыбнулась, прижимаясь щекой к его груди.

Андрей крепче прижал к себе жену. Его вера была соломенной, наивной, построенной на книгах из Академии и отчаянном желании защитить свой мир. Но сейчас, чувствуя биение её сердца рядом со своим, он был готов защищать эту хрупкую иллюзию до конца.

Андрей шёл к храму по шумным улицам, и привычный гул мегаполиса, казалось, обтекал его стороной. Он не замечал ни голографических витрин, обещавших «вечную молодость за 99 кредитов в месяц», ни людей с нейроинтерфейсами, мигающими мягким светом у виска. Его мир сейчас умещался в два простых слова: «молитва» и «доверие».

Ему было двадцать четыре, но в своей простой чёрной рясе он казался то ли моложе, то ли старше своего возраста. В нём не было ни показной строгости, ни елейного благочестия. Он был тем самым «батюшкой-мостиком», о котором так мечтали многие. Он говорил с молодёжью на их языке, не боясь спорить о квантовой физике или теории эволюции, доказывая, что вера не противоречит знанию, а лишь придаёт ему высший смысл.

Он был блестяще образован. Выпускник Духовной академии, он мог наизусть цитировать «Исповедь» Блаженного Августина, разбирая его концепцию времени, и тут же переходить к Канту, объясняя, почему нравственный закон внутри нас требует постулата о бытии Бога. Его блог-апологетика был уважаем в узких кругах именно потому, что он не боялся сложных вопросов. Он свободно читал на латыни и древнегреческом, видя в оригинале тончайшие смысловые оттенки, которые терялись в переводе. Он искренне верил, что истину можно доказать логикой, что у веры есть безупречная, стройная система аргументов.

Он поступил в Академию не из-за мистического зова, а из-за философского голода — он хотел найти ответы на главные вопросы бытия. Он нашёл там знания, получил «научную базу» своей картины мира, и считал, что с высоты своей учёности может наставлять заблудшие души на путь истинный.

Зайдя в притвор храма, он окунулся в привычный полумрак и запах ладана. Здесь было тихо. Слишком тихо.

— Здравствуй, отец Андрей, — прошелестела из угла баба Клава, протирая тряпкой подсвечник.

Он кивнул ей и прошёл в алтарь. Его взгляд упал на пустой амвон и ряды скамей. В большом городе всегда кто-то заходил: поставить свечку, погреться, просто постоять в тишине или послушать хор. Но сегодня храм казался стерильным и пустым.

Это была та самая тишина, о которой предупреждал отец Феофан. Не крики атеистов и не споры с прихожанами убивали церковь. Её убивало равнодушие. Технологии «Нейро-Жизни™» не спорили с Богом. Они просто предложили более удобный продукт: гарантированную вечность без слёз, без сомнений, без боли выбора. И люди ушли. Остались только бабушки, для которых обещание цифрового рая было слишком сложным, чтобы отказаться от привычного уклада.

Андрей посмотрел на служебник в своих руках. Слова Литургии были знакомы до боли. «Миром Господу помолимся...»

Он поднял голову и посмотрел на пустой храм. Его разум кричал: «Ты говоришь в пустоту! Твои аргументы здесь никому не нужны!». Но он должен был служить. Не ради них. Не ради статистики.

Он закрыл глаза и выдохнул. «Я верю... — прошептал он беззвучно. — Я верю».

И начал готовиться к службе для трёх человек...

Глава 2: Диагностика и первое потрясение

Медицинский центр «Нейро-Мед» возвышался над городом, словно стеклянный маяк в океане бетона и стали. Андрей и Елена вошли в просторный холл, где голографические экраны настойчиво предлагали оформить подписку на «Нейро-Жизнь™» прямо сейчас, пока они здесь. Елена слегка сжала его руку, словно ища в нём опору.

Доктор Смирнов, специалист по сердечно-сосудистым заболеваниям, встретил их в кабинете, где мягкие стены излучали успокаивающий голубой свет. Мониторы вокруг показывали медицинские данные, а голографический интерфейс моделировал сердце Елены в трёх измерениях, словно холодный чертеж, лишённый жизни.

— Результаты анализов подтвердили наши подозрения, — сказал доктор Смирнов, внимательно глядя на монитор. — У вас кардиомиопатия, Елена Николаевна. Заболевание серьёзное, но не безнадёжное. Лечение может стабилизировать состояние, но беременность существенно повышает риски.

Андрей почувствовал, как его сердце пропустило удар, словно электрический разряд прошёл через него. Он посмотрел на Елену — её лицо оставалось внешне спокойным, но в глазах мелькнул отблеск страха, который он редко видел у неё.

— Насколько серьёзны риски? — спросил он, стараясь сохранить ровный тон, хотя внутри всё сжималось от тревоги.

— Они серьёзны, — ответил врач, не отрывая взгляда от экрана. — Существует высокая вероятность остановки сердца во время родов. Современная медицина предлагает эффективное решение — медицинский инкубатор. Это обеспечит максимальную безопасность и матери, и ребёнку.

Андрей почувствовал, как волна негодования поднимается внутри, словно вулкан, готовый к извержению. Инкубатор — это не просто машина, это отказ от природного замысла, от таинства рождения, от дара материнства, данного женщине Богом.

— Мы хотим традиционных родов, — твёрдо сказал он, сжимая руку Елены. — Мы верим, что лечение и молитвы помогут справиться с заболеванием.

Елена слегка улыбнулась, поддерживая его решение, но в её глазах промелькнуло что-то, что он не мог расшифровать — благодарность или сомнение? Доктор Смирнов нахмурился, но не стал настаивать.

— Хорошо, — сказал он после паузы. — Мы назначим медикаментозную терапию и постоянный мониторинг. Но помните, что в случае ухудшения состояния инкубатор может стать единственным выходом.

Андрей благодарно кивнул, но внутри уже начал выстраивать логическую защиту, словно возводя крепостную стену вокруг своей веры.

По дороге домой они шли молча, их шаги эхом отдавались в пустынных вечерних улицах. Андрей чувствовал, как пальцы Елены слегка дрожат в его ладони — едва заметная дрожь, говорящая о том, что её спокойствие было лишь маской, за которой скрывался настоящий страх.

Он остановился, мягко поворачивая её к себе. Её глаза, обычно такие живые и игривые, сегодня казались затуманенными беспокойством. Он обнял её, притягивая ближе, ощущая, как её тело слегка напряглось, а потом расслабилось, словно ища убежище в его объятиях.

— Всё будет хорошо, — прошептал он, прижимая её к себе. Его голос звучал уверенно, но внутри он чувствовал, как его собственные слова эхом возвращаются к нему, словно проверка на прочность.

Елена подняла на него глаза, и в них он увидел не только благодарность, но и что-то ещё — тихий, едва заметный призыв о помощи. Она не просила словами, но её взгляд говорил больше, чем любые признания.

— Я верю в тебя, — тихо сказала она, прижимаясь щекой к его груди. Её голос был мягким, но в нём слышалась усталость, словно она держалась за эту веру, как за последнюю ниточку.

— И в нас, — добавила она, и в этих словах было столько надежды, что он почувствовал, как его сердце сжалось от любви и одновременно от страха.

Он почувствовал, как её дыхание замедляется, становясь глубже и спокойнее. Её голова лежала на его плече, словно она искала в нём защиту и одновременно дарила ему силу. Он провёл рукой по её волосам, задержав ладонь на её шее — мягкой, теплой, живой. Он чувствовал её пульс под пальцами, быстрый и нерегулярный, словно отражение его собственных сомнений.

В этот момент он понял, что их связь — это не просто слова о Боге и вере, а нечто гораздо более глубокое. Это была любовь, которая не требовала объяснений, но нуждалась в защите. Он обещал себе, что будет рядом с ней, что бы ни случилось. Но в глубине души уже поселилось маленькое, едва заметное сомнение — тень, которая будет расти с каждым днём.

Вечером, когда Елена уже спала, Андрей сидел за своим письменным столом, погружённый в полумрак. Голографический экран с медицинскими данными мерцал перед ним, словно холодный свет чужой звезды. Он смотрел на графики, на цифры, на разноцветные диаграммы, но видел только одно — хрупкость человеческого сердца, заключённого в столь совершенную машину.

«Лечение — это не отказ от Бога, — убеждал он себя, выстраивая аргументы. — Медицина — это дар Божий, средство, данное нам для исцеления. Антибиотики, хирургия, терапия — всё это создано руками человека, вдохновляемого Творцом. Но инкубатор... Инкубатор — это уже нечто иное. Это не просто техника, это попытка переписать саму суть жизни. Это отказ от таинства зачатия и рождения, от дара материнства, данного женщине Богом.»

Он вспомнил слова апостола Павла: *«Ибо мы спасены в надежде. Надежда же, когда видит, не есть надежда; ибо если кто видит, то в чём он надеется? Но если чего не видим, то надеемся»* (Рим. 8:24—25). Его вера была именно такой — надеждой на невидимое, но почему тогда он не мог просто надеяться на то, что рядом со мной — живой человек, а не абстрактная идея?

Он открыл служебник и начал писать проповедь. Каждое слово выверялось с хирургической точностью. Он писал о свободе воли, о божественном промысле, о том, как вера помогает человеку противостоять соблазнам технологического рая. Но чем больше он писал, тем отчётливее чувствовал, что слова становятся пустыми оболочками, лишёнными живой теплоты.

«Почему я так цепляюсь за логику? — спрашивал он себя. — Почему не могу просто доверять? Моё сердце подсказывает, что Бог не оставит нас, но разум требует доказательств. Я пытаюсь доказать Ему, что я верю в Него, вместо того чтобы просто верить.»

Он вспомнил слова преподобного Серафима Саровского: *«Стяжи дух мирен, и тысячи вокруг тебя спасутся.»* Но где его мирный дух сейчас? Он чувствовал, как его сердце разрывается между любовью к Елене и стремлением доказать правильность своей веры. Он должен быть с ней, но почему-то не может просто быть рядом, когда она больше всего нуждается в его поддержке.

«Я должен быть с ней, — думал он, возвращаясь к столу. — Не просто как священник, не просто как защитник её души, а как человек, который любит её всем сердцем. Моя вера должна помогать мне любить её сильнее, а не мешать этому. Но почему я чувствую эту стену между нами? Почему я не могу просто быть рядом с ней, когда она больше всего нуждается в моей поддержке?»

Он вернулся к столу и вновь открыл служебник. На этот раз он не стал писать проповедь. Вместо этого он взял карандаш и начал рисовать. Линия за линией, он вырисовывал контур её лица, её улыбку, её глаза. Рисунок был грубым, неровным, но в нём была жизнь — та самая жизнь, которую он пытался защитить логикой и словами.

«Бог не оставит нас, — повторял он, словно заклинание. — Он не может оставить.»

Но в глубине души уже поселилось маленькое, едва заметное сомнение — тень, которая будет расти с каждым днём, пока не превратится в огромную пропасть между ним и тем, во что он верил всю жизнь.

Глава 3: Первые сомнения

Дом был наполнен тихим гулом бытовых синтезаторов, работающих в фоновом режиме. Андрей сидел за письменным столом, окружённый голографическими экранами с незаконченными набросками проповеди. За окном сгущались ранние сумерки, окрашивая город в серо-голубые тона.

Уже неделя прошла с момента постановки диагноза, но каждый день казался длиннее предыдущего. Андрей пытался подготовить проповедь о свободе воли и божественном промысле, но слова не складывались в стройную логическую цепь. Его мысли путались, словно нити, которые невозможно распутать.

«Свобода воли — это дар Божий, — убеждал он себя, водя стилусом по голографическому экрану. — Человек призван выбирать между добром и злом, между верой и неверием. Но что, если этот выбор становится слишком тяжёлым бременем?»

Он вспоминал вчерашний разговор с Еленой. Она пыталась заговорить с ним о своих страхах, но он, поглощённый работой, лишь рассеянно кивнул, не услышав её слов. Теперь, в тишине кабинета, он чувствовал, как её беспокойство, словно эхо, отражается в его собственных сомнениях.

«Мои молитвы становятся механическими, — думал он, глядя на иконку службы оповещения о подписке на „Нейро-Жизнь™“. — Я повторяю одни и те же слова, как заезженная пластинка. Где та живая связь с Богом, о которой говорят старцы?»

Елена вошла в комнату, её шаги были тихими, словно она боялась потревожить его размышления.

— Ты не обедал, — заметила она, ставя перед ним тарелку с синтезированным борщом. — Тебе нужно отдохнуть.

Он поднял взгляд, но не сразу встретился с её глазами. Её лицо было спокойным, но в глубине её взгляда он заметил что-то, чего раньше не замечал — тихую тревогу, которую она пыталась скрыть.

— Я скоро закончу, — ответил он, возвращаясь к экрану. — Нужно закончить проповедь.

Елена кивнула и вышла, оставив его наедине с его мыслями. Он смотрел на незаконченные строки, но слова не складывались в стройную композицию. Его разум, обычно ясный и логичный, сегодня отказывался подчиняться.

Ему нужно было побыть одному со своими мыслями, которые последние недели превратились в бесконечную пытку.

Зачем? Этот вопрос гвоздём сидел в мозгу. Зачем людям ограничивать себя постами, зачем часами стоять на молитве, зачем изучать сложные тексты Отцов Церкви и пытаться понять непостижимый промысел Божий? Зачем нести свой крест, если можно просто подписаться на «Нейро-Жизнь™»? Один контракт — и вечное блаженство гарантировано. Забудь слово Божие. Забудь про искупительную жертву Христа, про грехопадение и покаяние. Просто загрузи своё сознание в идеальный цифровой мир, где нет боли, болезней и разочарований. Рай по подписке.

Но ведь такой путь... он не выстрадан. А значит, не заслужен. Это была первая, самая острая мысль, которая приносила ему почти физическую боль. Вся история спасения человечества — это путь через тернии. Через веру Авраама, готового принести сына в жертву. Через страдания Иова. Через крестные муки самого Спасителя. Путь к истинному Раю вымощен верой и испытаниями. А проект «Нейро-Жизнь™» предлагал подделку. Быстрый, лёгкий, стерильный суррогат. Андрей чувствовал это нутром: этот рай рукотворный, ненастоящий. Холодный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.